

Г.А. Куклин

Петраше́вцы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Г11

Г11 **Г.А. Куклин**
Петрашевы / Г.А. Куклин – М.: Книга по Требованию, 2018. – 68 с.

ISBN 978-5-458-10918-5

Книга посвящена истории революционного движения в России, и в частности "петрашевцем". Женева : издание Г.А. Кукулина, 1904.

ISBN 978-5-458-10918-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2018

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2018

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПЕТРАШЕВЦЫ.

Въ ночь съ 22-го на 23-е апрѣля 1849 г. арестованы были въ Петербургѣ Михаилъ Васильевичъ Буташевичъ-Петрашевскій, Федоръ Михайловичъ Достоевскій и его братъ Михаилъ Михайловичъ, Иванъ Ястржемскій, Николай Капкинъ, Феликсъ Густавовичъ Толь, Василій Андреевичъ Головинскій, Сергій Федоровичъ Дуровъ, Алексѣй Николаевичъ Плещеевъ, Алексѣй Алексѣевичъ Кузьминъ и мн. др. На другой день взяты: Константинъ Тимовскій, Александръ Ханыковъ, Александръ Европеусъ, Черносвитовъ и др. Закрытъ книжный магазинъ Люри и полиціей взято около 2500 томовъ запрещенныхъ сочиненій иностранныхъ социалистовъ. Кромѣ того по всей Россіи произведено масса обысковъ и арестовъ и привлечено къ допросамъ болѣе 230 человекъ.

Все эти аресты произведены по такъ называемому дѣлу Петрашевскаго или петрашевцевъ, и арестованные обвинялись въ составленіи тайнаго противуправительственнаго общества или въ принадлежности къ нему. Въ доказательство существованія такого общества, слѣдственная комиссія указывала на слѣдующую *обязательную подписку, найденную 10 мая 1849 г. въ бумагахъ Николая Спѣшневъ, его рукой писанную*:

«Я нижеподписавшійся, добровольно, по здравомъ размышленіи и по собственному желанію, поступаю въ русское общество и беру на себя слѣдующія обязанности, которыя въ точности исполнять буду:

«1) Когда распорядительный комитетъ общества, сообразивъ силы общества, обстоятельства и представляющійся случай, рѣшитъ, что настало время бунта, то я обязываюсь, не щадя себя, принять полное, открытое участіе въ возстаніи и дракѣ,—т. е., что, по извѣщенію отъ

комитета, обязываюсь быть въ назначенный день, въ назначенный часъ въ назначенномъ мѣстѣ, обязываюсь явиться тогда и тамъ, вооружившись огнестрѣльнымъ или холоднымъ оружіемъ, или тѣмъ и другимъ, не щадя себя, принять участие въ дракѣ и какъ только могу способствовать успѣху возстанія.

«2) Я беру на себя обязанность увеличивать силы общества, приобрѣтеніемъ обществу новыхъ членовъ. Впрочемъ, согласно съ правилами русскаго общества, обязываюсь самъ лично болѣе пяти афилировать.

«3) Афилировать, т. е. присоединить къ обществу новыхъ членовъ обязываюсь не наобумъ, а по строгому соображеніи и только такихъ, въ которыхъ я твердо увѣренъ, что они меня не выдадутъ, еслибы даже и отступились послѣ отъ меня; что они исполняютъ первый пунктъ и что они дѣйствительно желаютъ участвовать въ этомъ тайномъ обществѣ. Вслѣдствіе чего и обязываюсь съ каждымъ мною афилированнымъ взять письменное обязательство, состоящее въ томъ, что онъ переписшетъ отъ слова до слова сіи самыя условія, которыя и я здѣсь даю, всѣ съ перваго до послѣдняго слова, и подпишетъ ихъ. Я же, запечатавъ оное его письменное обязательство, передаю его своему афильтору для доставленія въ комитетъ, тотъ своему и такъ далѣе. Для сего я и переписываю для себя одинъ экземпляръ этихъ условій и храню его у себя, какъ форму для афиляціи другихъ.»

Другимъ доказательствомъ существованія тайнаго общества служили доносы Петра Антонелли и докладъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Липранди, которому министръ внутреннихъ дѣлъ Перовскій*) поручилъ надзоръ за Петрашевскимъ еще въ мартѣ 1848 года. Поводомъ къ надзору послужила литографированная записка Петрашевскаго «о способахъ увеличенія цѣнности дворян-

*) Этотъ самый министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Левъ Алексѣевичъ Перовскій, во время своей юности былъ, по словамъ Андрея Розена однимъ изъ основателей «Союза Благоденствія» и членомъ «Сѣвернаго Общества». Онъ вмѣстѣ съ княземъ И. А. Долгорукимъ и И. А. Вибиковымъ былъ освобожденъ отъ суда по молодости лѣтъ и занявъ впоследствии постъ министра не стѣснялся, какъ видно уничтожать все то, чему раньше поклонялся. Г. К.

скихъ или населенныхъ имѣній», которая была авторомъ отлитографирована въ 200 экземплярахъ и роздана въ началѣ марта 1848 г. петербургскимъ дворянамъ во время губернскихъ выборовъ. Мы нигдѣ не могли достать этой записки, ни даже изложенія ея взглядовъ и намъ приходится довольствоваться отзывомъ слѣдственной комиссіи въ ея докладѣ. По словамъ доклада авторъ записки выходитъ «совершенно изъ предѣловъ, допускаемыхъ закономъ. Напримѣръ, Петрашевскій полагаетъ гибельнымъ для общественнаго благосостоянія вообще предоставленіе права владѣнія населенными землями и желаетъ введенія у насъ нѣкоторыхъ правилъ существующихъ въ Пруссіи, Польшѣ и Франціи, пишетъ, что мѣры эти дадутъ возможность крестьянамъ быть обязанными своему труду и благоразумію, а не странному пожертвованію другихъ, — своимъ освобожденіемъ, что нравственная сторона этой мѣры, какъ развивающая духъ предусмотрительности въ низшемъ классѣ, весьма важна, какъ благонадежное средство приготовленія сихъ классовъ къ пользованію дарами гражданской свободы. Онъ хочетъ улучшенія формъ судопроизводства и надзора за административными и исполнительными властями, полагая, что всѣ сіи мѣры развиваютъ нравственныя и матерьяльныя силы въ народѣ, находящемся нынѣ въ дремотномъ состояніи». Липранди по порученію Перовскаго досталъ эту записку. Перовскій сообщилъ о ней шефу жандармовъ графу Орлову и оба они рѣшили, что «это должно быть плодомъ тайнаго обдуманнаго предначертанія». 10 марта было возложено на Липранди собраніе свѣдѣній о Петрашевскомъ, «при чемъ агенты III Отдѣленія вовсе не должны были участвовать въ этомъ дѣлѣ».*)

Михаилъ Васильевичъ Петрашевскій сынъ Василія Михайловича. петербургскаго пгнатъ-физика, родился 1-го ноября 1821 года. Послѣ окончанія въ 1839 году курса въ Александровскомъ лицей поступилъ въ университетъ на юридическій факультетъ, который и кончилъ въ 1841 году со степенью кандидата. Поступивъ въ слѣдующемъ году на службу въ министерство иностранныхъ дѣлъ Петрашевскій не сдѣлался чиновникомъ и не потерялъ связи въ студенческой средѣ.

*) В. Семевскій. «Изъ исторіи общественныхъ идей въ концѣ 40-хъ годовъ.» (На славномъ посту.)

Еще будучи студентомъ, онъ имѣлъ обыкновеніе записывать свои мысли въ тетрадь подъ заглавіемъ: «Мои афоризмы или обрывочныя понятія обо всемъ, мною самимъ порожденныя.»

«Государства—писалъ онъ въ этой тетради—должны быть основаны по народамъ, отношенія же между народами должны быть, какъ Штаты Сѣверной Америки или провинціями одного и того же государства. Пошлинъ и государственныхъ сборовъ не должно существовать. Промышленности должна быть дана полная свобода, чтобы цѣль назначенія человѣчества была постигнута, и люди сознавали, что они люди. Правленіе должно быть представительное, республиканское. Тѣ огромныя войска, которыя нынѣ содержатся, были бы ненужны, ибо война не должна бы имѣть мѣста. Въ религіи: совершенная терпимость...»

Этимъ идеямъ онъ не измѣнялъ никогда и до конца дней своихъ остался ярымъ республиканцемъ и сторонникомъ самой широкой терпимости.

Занявшись литературною дѣятельностью и пополняя свое образованіе чтеніемъ научныхъ книгъ и произведеній такихъ авторовъ, какъ Сень-Симонъ, Фурье, Кабэ, Луи-Бланъ, Ламменэ, О. Контъ, онъ приступилъ въ 1844 году къ составленію «Карманнаго словаря иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка.» Въ это время около Петрашевскаго уже группировался небольшой кружокъ лицъ солидарныхъ съ нимъ во многихъ взглядахъ и помогавшихъ ему въ составленіи словаря. Ближайшее участіе въ этомъ дѣлѣ принималъ извѣстный нашъ критикъ Валерьянъ Майковъ. Въ этомъ «Карманномъ словарѣ», первый выпускъ котораго былъ изданъ въ 1845 г., а второй въ 1846 г., отразились, какъ совершенно правильно утверждаетъ В. Войновъ*), всѣ возрѣнія единомышленниковъ Петрашевскаго, воспитанныхъ на изученіи Фурье. Сотрудники словаря отрицательно относились къ конституціи и называли ее «аристократіей богатства», на первый же планъ они выдвигали вопросы социальные и экономическіе. «Защитники конституціи**) забываютъ, что человѣческій характеръ заключается не

*) Авторъ статьи о Петрашевскомъ въ «Русскомъ Біографическомъ Словарѣ.»

**) «Конституція», Карм. Слов., вып. I.

въ собственности, а въ личности; и что, признавъ политическую власть богатыхъ надъ бѣдными, они защищаютъ самую страшную деспотію!»

Нормально развитымъ обществомъ они называли такое, «которое доставляетъ всякому изъ членовъ своихъ средства для удовлетворенія ихъ нуждъ соотвѣтственно потребностямъ»^{*)}. Они также отрицательно относились къ семьѣ въ ея современной формѣ и считали «установленіе формы брака болѣе результатомъ столкновения случайностей, общественныхъ, политическихъ и экономическихъ нуждъ извѣстныхъ народовъ и ихъ религіозныхъ предубѣжденій; нежели дѣломъ полнаго сознанія истинныхъ потребностей природы человѣческой»^{**}). Отличительной чертой всѣхъ тѣхъ положительныхъ нравоченій, которыя основываются на религіозныхъ ученіяхъ есть, по ихъ словамъ; «односторонность или исключительность и нетерпимость»^{***}).

«Ученіе Христово^{****}) въ первобытной чистотѣ своей нанесло сильный ударъ всевозможнымъ пиямъ и прорицателямъ, изобличило ихъ хищничество, коварство и деспотизмъ; и въ противоположность тому являя примѣръ безкорыстія, братолюбія, имѣя основнымъ догматомъ милосердіе, а *цѣлю водвореніе свободы и уничтоженіе частной собственности*^{*****}), съ каждымъ днемъ привлекало къ себѣ новыхъ сподвижниковъ. Какъ ни прекрасно начало сего ученія; но оно еще не получило нормальнаго развитія...»

Словарь этотъ вскорѣ привлекъ къ себѣ благосклонное вниманіе правительства Николая I и былъ по его приказанію уничтоженъ, такъ какъ «наполненъ ядомъ социализма, коммунизма и прочихъ современныхъ безумствъ».

Мы уже говорили о томъ, что около Петрашевскаго группировался кружокъ лицъ ему сочувствовавшихъ. Кружокъ этотъ постепенно расширялся и даже въпослѣдствіи разбился на цѣлый рядъ кружковъ. Главнымъ, конечно, постоянно оставался кружокъ Петрашевскаго. Въ 1845 г

*) См. статью «Нормальное состояніе» во 2-мъ выпускѣ «Карм. словаря иностранныхъ словъ» Кириллова.

***) «Бракъ», *ibid* вып. 1.

****) «Мораль», *ibid* вып. 2.

*****) Стр. 294 (статья «Оракулъ»); вып. 2.

*****) Курсивъ автора статьи.

Петрашевскій устроилъ въ своей квартирѣ по пятницамъ вечера, гдѣ собирались члены кружковъ и толковали на разныя темы, живо трогавшія тогдашнюю молодую интеллигентную молодежь. Такія же собранія происходили иногда у Плещеева, Кузьмина, Бѣлецкаго, Ир. Введенскаго, Европеуса, Нагорнаго, Кашкина, Пальма, Дурова и Момбелли. «Иногда къ-мъ-либо изъ специалистовъ дѣлалось сообщеніе въ родѣ лекціи*): Ястржембскій читалъ о политической экономіи; Данилевскій — о системѣ Фурье», читались разныя нелегальныя русскія изданія, ходившія въ рукописяхъ. Въ цѣляхъ пропаганды была устроена библіотека**), изъ социалистическихъ книгъ и книгъ запрещенныхъ цензурой. Члены кружковъ платили опредѣленную плату для выписки книгъ въ библіотеку.

На пятницахъ Петрашевскаго бывало иногда до 50 человекъ и онѣ пользовались широкой извѣстностью въ Петербургѣ***). Знаменитый впослѣдствіи піанистъ Рубинштейнъ по своему пріѣздѣ изъ за-границы попалъ какъ разъ въ этотъ день къ Петрашевскому. «Большое собраніе—пишетъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ—мужчинъ — молодыхъ и пожилыхъ, военныхъ и статскихъ нашелъ я у Петрашевскаго... Спрашиваю о немъ; мнѣ отвѣчаютъ: — подождите-увидите, насъ всѣхъ позовутъ. Наконецъ, раздается звонокъ, распахиваются двери и мы входимъ въ большую комнату, гдѣ передъ эстрадою стоитъ рядъ стульевъ... На эстраду входитъ мужчина съ бородой и начинаетъ читать что-то въ родѣ социалистическаго и коммунистическаго трактата...» Рубинштейнъ конечно былъ крайне удивленъ слышать свободное слово въ Россіи. Мы привели этотъ отрывокъ, чтобы показать насколько свободенъ былъ доступъ на пятницы Петрашевскаго для лицъ ничего общаго съ кружками не имѣвшихъ и этимъ конечно объясняется съ одной стороны ихъ извѣстность и популярность, а съ другой проиженное на эти собранія безъ всякаго затрудненія агента тайной полиціи П. Д. Антонелли. Этотъ Антонелли имѣлъ возможность быть на шести послѣднихъ собраніяхъ, видѣть всѣхъ

*) Д. Д. Ахшарумовъ, «Изъ моихъ воспоминаній». (Вѣстникъ Европы, 1901 г. № 11.)

**) «Библіотека социальныхъ книгъ на общія деньги»; распорядителемъ ея былъ самъ Петрашевскій.

***) Описаніе пятницъ Петрашевскаго можно найти въ «Запискахъ» В. Р. Зотова и въ «Воспоминаніяхъ» ген.-лейт. П. А. Кузьмина.

собравшихся и слышать их разговоры и рѣчи. Главнымъ образомъ на основаніи его доносовъ и были произведены обыски и аресты. Обществу Петрашевскаго, какъ мы будемъ для удобства называть всѣ кружки группировавшіеся вокругъ Михаила Васильевича, ходили въ правительственныхъ сферахъ преувеличенные слухи. Объ этомъ свидѣтельствуютъ между прочимъ слѣдующія слова императора Николая, сказанныя имъ на другой день послѣ ареста петрашевцевъ при приѣмѣ членовъ Государственнаго Совѣта:

«Не знаю, ограничивается ли заговоръ тѣми одними, которые схвачены, или есть кромѣ нихъ, и другіе, даже, можетъ быть, кто и изъ нашихъ. Слѣдствіе все это раскроетъ. Знаю только одно: что на полицію тутъ нельзя полагаться, потому что она падка на деньги, а на шпионовъ—еще меньше, потому что продающій за деньги свою честь способенъ на всякое предательство.»

Лиранди въ своемъ докладѣ въ «высочайше утвержденную комиссію о злоумышленникахъ» говорить: «Я никакъ не могъ остаться при мысли, чтобы злоумышленное общество даже и здѣсь состояло изъ тѣхъ только лицъ, которыхъ агентъ мой видѣлъ и слушалъ въ собраніяхъ Петрашевскаго въ послѣднія шесть пятницъ. Это казалось мнѣ невозможнымъ уже потому одному, что въ тѣхъ собраніяхъ каждый разъ являлись новыя лица, и при томъ изъ разговоровъ ихъ было видно, что съ ними въ большей или меньшей прикосновенности находились разные люди, которыхъ въ эти шесть пятницъ на лицо не было.»

Кромѣ того, по словамъ того же Лиранди, «обозначилось, что люди принадлежаніе къ наблюдаемому обществу находились и внѣ столицы, въ разныхъ провинціяхъ, и объ нихъ здѣшніе сочлены ясно говорили, что имъ поручено вездѣ стараться сѣять идеи, составляющія основу ихъ ученія, пріобрѣтать обществу соумышленниковъ и сотрудниковъ и такимъ образомъ приготавливать повсюду умы къ общему возстанію. Бумаги, арестованныхъ лицъ обнаружили, что подобными миссіонерами были: въ Тамбовѣ—Кузьминъ, въ Сибири—Черносвиговъ, въ Ревелѣ—Тимковскій, въ Москвѣ—Плещевъ, въ Ростовѣ—Кайдановъ, и пр... Въ письмахъ изъ Ростова, Кайдановъ говоритъ о своей цаствѣ, для которой онъ переводитъ на русскій языкъ сочиненія Рудермана о социализмѣ, на

томъ основаніи, чтобы доставить возможность прочесть его и тѣмъ, кто не знаетъ нѣмецкаго языка; онъ выписываетъ и читаетъ: Консидерана, Фурье, Прудона, Луи-Блана, С. Симона, Кабэ, журналъ Фаланга, *La guerre des passions*, *Les trois nuits internes* и т. п., говорить, «что онъ совершенно убѣжденъ въ истинѣ и исполнимости ученія Фурье, вовсе не считая себя обязаннымъ свято вѣрить à toutes les extravagances de notre maître: и проч., благодарить (присылающихъ ему въ Ростовъ помянутыя книги), за насыщеніе хлѣбомъ духовнымъ его и всей здѣшней (Ростовской) небольшой паствы...» Паства эта, незнающая иностранныхъ языковъ должна была по мнѣнію Липранди «состоять изъ мѣстныхъ городскихъ обывателей средняго класса, уѣздныхъ чиновниковъ, а также и самыхъ купцовъ и мѣщанъ.*)

Говоря о намѣреніяхъ членовъ общества, Липранди продолжаетъ: «У нихъ видны намѣренія дѣйствовать рѣшительно, не страшась никакого злодѣянія, лишь бы только оно могло привести къ желаемой ими цѣли. Но не всѣ были таковы. Наибольшая часть членовъ предполагали идти медленно, но вѣрнѣе, и именно путемъ пропаганды, дѣйствующей на массы. Съ этой цѣлью въ собраніяхъ происходили разсужденія о томъ, какъ возбуждать во всѣхъ классахъ народа негодованіе противъ правительства, какъ вооружать крестьянъ противъ помещиковъ, чиновниковъ, противъ начальниковъ, какъ пользоваться фанатизмомъ раскольниковъ, а въ прочихъ сословіяхъ подрывать и разрушать всякія религіозныя чувства, которыя они сами изъ себя уже совершенно изгнали, проповѣдая, что религія препятствуетъ развитію человѣческаго ума, а потому и счастью. Тутъ же было разсуждаемо о частныхъ особыхъ мѣрахъ, какъ дѣйствовать на Кавказѣ, въ Сибири, въ Остзейскихъ губерніяхъ, въ Финляндіи, въ Польшѣ, въ Малороссіи (гдѣ умы предпологаались находящимися уже въ броженіи отъ сѣмянъ, брошенныхъ сочиненіями Шевченко). Изъ всего этого я извлекъ убѣжденіе, что тутъ былъ не столько мелкій и отдѣльный заговоръ, сколько всеобъемлющій планъ об-

*) Эта и другія цитаты взяты нами изъ «Мяѣнія» Липранди, напечатаннаго въ «Полярной Звѣздѣ» на 1862 г. (№ 7, вып. 11) и перепечатаннаго въ сборникѣ «Общество» Пропаганды въ 1849 г.» изданномъ Э. Каспрвичемъ въ 1875 г.

шаго движенія, переворота и разрушенія... Безъ сомнѣнія не для чего иного, какъ съ цѣлью произвести всеобщее, повсемѣстное движеніе, тутъ были вмѣстѣ люди не только разныхъ вѣдомостей и званій по службѣ, но и не служащіе изъ всѣхъ сословій: дворяне, купцы и даже мѣщане. Обыкновенные заговоры бывають большею частью изъ людей однородныхъ, болѣе или менѣе близкихъ между собою по общественному положенію. Напримѣръ въ заговорѣ 1825 года участвовали исключительно дворяне и при томъ преимущественно военные. Тутъ же напротивъ съ гвардейскими офицерами и съ чиновниками министерства иностранныхъ дѣлъ, рядомъ находятся не кончившіе курсъ студенты, мелкіе художники, купцы, мѣщане, даже лавочники, торгующіе табакомъ. Очевидно, что сѣтъ была заткана такая, которая должна была захватить все народонаселеніе и слѣдовательно, чтобъ дѣйствовать не на одномъ мѣстѣ, а повсюду.» Весьма важнымъ обстоятельствомъ считалъ Лапранди и то, «что главную роль въ этомъ обществѣ играли наставники и воспитатели юношества, которыхъ общество по испытаніи въ образѣ мыслей и въ правилахъ, старалось помѣщать повсюду. Тутъ цѣль имѣвшаяся въ виду и послѣдствія, какія отъ того ожидались слишкомъ очевидны, такъ что нѣтъ нужды объ томъ распространяться: одинъ такой учитель ежегодно могъ приготовить въ своихъ идеяхъ десятки, сотни молодыхъ людей, которые послѣ разсыпались во всѣ концы государства.»

Такимъ образомъ Лапранди въ противоположность графу М. А. Корфю*) вполне понималъ всю важность участія въ революціонномъ обществѣ такихъ людей; какими были члены общества Петрашевскаго. М. Корфъ же въ своихъ запискахъ относится презрительно къ составу общества и пишетъ: «Въ цѣломъ спискѣ, въ противоположность заговору 1825 года, не встрѣчалось ни одного значущаго имени; ни одного лица съ извѣстностью въ какомъ-нибудь родѣ». Правда, въ дѣлѣ Петрашевскаго не участвовало столько высокопоставленныхъ лицъ, какъ у декабристовъ, у которыхъ было 7 князей, 3 графа, 2 барона и 3 генерала, но на мѣсто ихъ въ рядахъ петрашевцевъ значатся слѣдующія, много говорящіе русскому

*) Членъ Государственнаго Совѣта и директоръ Публичной библиотеки.

уму имена, какъ В. Г. Бѣлинскаго, Ѳ. М. Достоевскаго, Н. Г. Чернышевскаго, Г. Е. Благосвѣтлова, М. Е. Салтыкова, Валерьяна и Аполлона Майковыхъ, Н. П. Огарева, К. Д. Кавелина, не считая самого Петрашевскаго, Спѣшневъ и Момбелли. Мы забыли упомянуть еще объ известномъ Владимірѣ Энгельсонѣ, дѣятельномъ сотрудникѣ герценовской «Полярной Звѣзды», о Николаѣ Данилевскомъ, Плещеевѣ и Пальмѣ. Эти имена стоятъ, конечно, всѣхъ князей, графовъ и бароновъ, но для Корфа, любителя высокихъ титуловъ, мы могли бы указать на князей П. Трубецкаго и С. Черкаскаго, бывавшихъ на собраніяхъ у Калкина.

Большинство изъ перечисленныхъ здѣсь лицъ счастливо избѣжали ареста, одни потому, что не бывали на послѣднихъ 6 пятницахъ, другіе, какъ Бѣлинскій, вслѣдствіе своей смерти. Особенно тяжкая участь ожидала бы Бѣлинскаго. Л. В. Дубельтъ «яростно сожалѣть, что Бѣлинскій умеръ», говоря, «мы бы сгноили его въ крѣпости». А. Плещеева, Головинскаго, Ѳ. Достоевскаго и Пальма приговорили къ смертной казни, между прочимъ, потому, что одинъ распространялъ знаменитое «Письмо В. Г. Бѣлинскаго къ Н. В. Гоголю», а другіе знали объ этомъ распространеніи и не донесли правительству. Это письмо Бѣлинскій написалъ вдали отъ III отдѣленія и цензуры, во-время своего пребыванія за-границей, въ Зальцбургѣ 15-го іюля 1847 г.*)

«Вы только отчасти правы,—писалъ Бѣлинскій Гоголю—увидавъ въ моей статьѣ *разсерженнаго* челоуѣка: этогъ эпитетъ слишкомъ слабъ и нѣженъ для того выраженія того состоянія, въ которое привело меня чтеніе вашей книги.**) Но вы вовсе неправы, приписавши это вамимъ, дѣйствительно не совсѣмъ лестнымъ отзывамъ, о почитателяхъ вашего таланта. Нѣтъ, тутъ была причина болѣе важная. Оскорбленное чувство самолюбія еще можно перенести, и у меня достало бы ума промолчать объ этомъ предметѣ, еслибы все дѣло заключалось въ немъ, но нельзя перенести оскорбленнаго чувства истинны, челоуѣческаго до-

*) Оно напечатано А. И. Герценомъ въ «Полярной Звѣздѣ» на 1855 г. и перепечатано М. Драгомановымъ отдѣльной брошюрой въ Женевѣ въ 1880 г. Было еще изданіе въ 1899 г., но всѣ они разошлись.

**) «Переписка съ друзьями».